

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.165.8.078-085

А. В. Нечкин*

Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее

Аннотация. В статье автор с применением общенаучных и частнонаучных методов познания подробно рассматривает проблематику конституционно-правового регулирования в России общественных отношений, связанных с широким внедрением технологии искусственного интеллекта. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что современное российское конституционное законодательство, даже в его нынешнем виде, позволяет урегулировать зарождающиеся общественные отношения, связанные с широким внедрением технологии искусственного интеллекта. В частности, отмечается, что положения Конституции РФ допускают возможность расширительного толкования понятия «личность», включая в его содержание не только собственно человека, но и высокоразвитый искусственный интеллект. Конституционно-правовой статус высокоразвитого искусственного интеллекта, по мнению автора, должен строиться по образу и подобию конституционно-правового статуса человека. Исключение должны составить лишь такие его элементы, как правосубъектность, которая по своей правовой природе должна быть чрезвычайно близка к правосубъектности органов и организаций и возникать с момента принятия соответствующего решения компетентным государственным органом, а также — права, свободы и обязанности, которые, в свою очередь, должны предполагать ограниченный объем личных прав и свобод, полное отсутствие политических и социально-экономических прав, а также ограниченную деликтоспособность искусственного интеллекта. Кроме того, по мнению автора статьи, основным элементом в структуре конституционно-правового статуса искусственного интеллекта в России должны стать универсальные ограничения его прав и свобод, которые бы послужили аналогами естественных человеческих физиологических ограничений и не позволили бы искусственному интеллекту приобрести эволюционные преимущества перед человеком. Таким образом, по мнению автора, структура конституционно-правового статуса искусственного интеллекта как личности может и должна в будущем выглядеть следующим образом: правосубъектность; права, свободы и обязанности; гарантии, обеспечивающие реализацию прав и свобод; универсальные ограничения прав и свобод.

Ключевые слова: искусственный интеллект; конституционно-правовой статус личности; конституционно-правовой статус; личность; человек; права и свободы человека; правосубъектность.

Для цитирования: Нечкин А. В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 8. — С. 78—85. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.165.8.078-085.

Constitutional and Legal Status of Artificial Intelligence in Russia: Present and Future

Andrey V. Nechkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional Law, the Urals State Law University
ul. Kolmogorova, d. 54, Ekaterinburg, Russia, 620137
super.nechkin@gmail.com

Abstract. In the paper, the author uses general scientific and specific scientific methods of cognition to scrutinize the problems of constitutional and legal regulation of public relations in Russia, related to the widespread introduction of artificial intelligence technology. Based on the results of the research, the author concludes that

© Нечкин А. В., 2020

* Нечкин Андрей Вадимович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета
ул. Колмогорова, д. 54, г. Екатеринбург, Россия, 620137
super.nechkin@gmail.com

modern Russian constitutional legislation, even in its current form, makes it possible to regulate the nascent social relations associated with the widespread introduction of artificial intelligence technology. In particular, it is noted that the provisions of the Constitution of the Russian Federation allow for an expanded interpretation of the concept "personality", covering not only a person, but also highly developed artificial intelligence. According to the author, the constitutional and legal status of highly developed artificial intelligence should be based on the image and likeness of the constitutional and legal status of a person. The only exceptions should be the following. First is legal personality, which by its legal nature should be extremely close to the legal personality of bodies and organizations and should arise from the moment the relevant decision is made by the competent state authority. Rights, freedoms and obligations should imply a limited amount of personal rights and freedoms, the complete absence of political and socioeconomic rights. The last exception is the limited passive dispositive capacity of artificial intelligence. In addition, the main element in the structure of the constitutional and legal status of artificial intelligence in Russia should be universal restrictions on its rights and freedoms, which would serve as analogues of natural human physiological restrictions and would not allow artificial intelligence to acquire evolutionary advantages over humans. Thus, the structure of the constitutional and legal status of artificial intelligence as a person can and should in the future look like this: legal personality; rights, freedoms and duties; guarantees that ensure the implementation of rights and freedoms; universal restrictions on rights and freedoms.

Keywords: artificial intelligence; constitutional and legal status of an individual; constitutional and legal status; personality; person; human rights and freedoms; legal personality.

Cite as: Nechkin AV. Konstitutsionno-pravovoy status iskusstvennogo intellekta v Rossii: nastoyashchee i budushchee [Constitutional and Legal Status of Artificial Intelligence in Russia: Present and Future]. *Lex russica*. 2020;73(8):78-85. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.165.8.078-085. (In Russ., abstract in Eng.).

В недалеком прошлом, каких-то 10—15 лет назад, вопросы разработки разумной техники, способной функционировать и принимать решения без участия человека, являлись предметом научного интереса исключительно ученых — футурологов и кибернетиков. На сегодняшний же день ситуация коренным образом поменялась: искусственный интеллект стал предметом изучения не только футурологов и технических специалистов, но и юристов.

Причиной тому, очевидно, послужило осознание того факта, что общий вектор развития общественных отношений в части науки и техники окончательно определился с направлением в сторону надделения некогда привычных нам вещей (транспортных средств, промышленных станков и даже элементарной бытовой техники) возможностью принимать самостоятельные решения, не заложенные ранее в их программах, а также совершать для их реализации самостоятельные действия, постепенно

сводя участие человека в данных процессах к нулю.

Такая возможность вещей, призванная освободить человека от груза ежедневных рутинных занятий, не требующих применения высокоразвитого человеческого интеллекта, была бы невозможна без своего рода «очеловечивания» вещей посредством надделения их известной долей разумности и способностью к самообучению, которые в совокупности можно даже назвать интеллектом. Причем в силу особенности возникновения такого интеллекта в качестве продукта развития человеческой науки и техники его можно именовать искусственным.

Проблематика правового регулирования вопросов создания и функционирования искусственного интеллекта, а равно вещей, надделенных таким интеллектом, является довольно разработанной в отечественной научной литературе¹. Кроме того, нельзя не отметить, что на сегодняшний день само понятие «искусственный

¹ См., например: Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6. С. 46—62 ; Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7—18 ; Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017 ; Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315—328 ; Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215—233 ; Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 79—102 ; Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2.

интеллект» уже получило легальное определение в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной указом Президента РФ².

Автор данной статьи ставит своей основной задачей ответ на вопрос о том, способно ли российское конституционное законодательство в его нынешнем, неизменном виде позволить урегулировать зарождающиеся общественные отношения, связанные с широким внедрением технологии искусственного интеллекта, на уровне специализированных нормативных правовых актов, принятие и содержание которых так широко обсуждаются цивилистами и специалистами в сфере иных отраслей права (например, уголовного, международного и финансового)?

Для достижения обозначенной цели в первоочередном порядке необходимо будет понять, допускают ли нормы Конституции РФ возможность существования иного носителя интеллекта, помимо человека, а равно иного интеллекта, помимо человеческого, в том числе и созданного человеком искусственным путем. Причем в случае утвердительного вывода необходимо будет также понять основные отличия конституционно-правового статуса такого интеллекта и его носителя от конституционно-правового статуса человека. В том числе и для целей будущего развития нормативного правового регулирования.

Анализ положений гл. 1 и 2 Конституции РФ свидетельствует о том, что в ее тексте, кроме по-

нятия «человек», параллельно используются и такие понятия, как «гражданин», «лицо» и «личность». Причем, в отличие от понятий «гражданин» и «лицо», понятие «личность» не имеет легального определения в российском законодательстве. В связи с этим в рамках заявленной темы статьи нас особо будет интересовать соотношение понятий «человек» и «личность».

В научной литературе возможно выделить три основных подхода к соотношению понятий «человек» и «личность». Первая точка зрения, которую на сегодняшний день можно считать классической, сводится к тому, что личность и человек — это понятия тождественные. Соответственно, личностью может быть только человек³.

Вторая точка зрения базируется на том, что личностью может быть не каждый человек, а лишь человек, проживающий в обществе и осознающий свою роль в нем⁴, или же человек, социально взаимодействующий с кем-либо⁵, а также человек, обладающий должной степенью разумности⁶. Соответственно, личностью может быть только человек, обладающий определенными качествами.

Третья точка зрения представляет собой самый передовой взгляд на соотношение упомянутых понятий и предполагает, что понятие «личность» шире понятия «человек»⁷. Соответственно, личностью может быть и не человек, в случае если он наделен правами и свободами человека.

С. 75—85 ; Архипов В. В., Бакуменко В. В., Волюнец А. Д., Наумов В. Б., Незнамов А. В., Побрызгаева Е. П., Сарбаш С. В., Смирнова К. М., Тютюк Е. В. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта. М., 2018 ; Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15—29 ; Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69—89 ; Кашкин С. Ю. Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и мире // Lex russica. 2019. № 7. С. 151—159.

² Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ См., например: Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 162 ; Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. С. 15—16 ; Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. С. 421.

⁴ Умнова И. А. Конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации. М., 2019. С. 9.

⁵ Лукашева Е. А. Социалистическое право и личность. М., 1987. С. 8 ; Бутусова Н. В. Государственно-правовые отношения между государством и личностью. М., 2018. С. 7—8.

⁶ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 69—70.

⁷ Более подробно об этом см.: Капитонова Е. А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке // Закон и право. 2019. № 9. С. 52.

Руководствуясь данным подходом, теоретически личностью можно считать представителей отдельных видов животных, обладающих когнитивными способностями, в том числе самосознанием (например, человекообразных обезьян, слонов, дельфинов), а также искусственно созданных человеком носителей сознания (например, роботов, обладающих искусственным интеллектом)⁸ в случае наделения их пусть даже минимальными личными правами (например, правом на свободу, правом на неприкосновенность и защиту от жестокого обращения).

Положения Конституции РФ, а также отраслевого российского законодательства, как мы уже отмечали выше, не дают легального определения понятия «личность». Соответственно, конституционное понятие «личность» может быть истолковано в том числе и расширительно, предполагая отнесение к нему любых носителей интеллекта (сознания), близкого по уровню развития к человеческому и похожему на него, вне зависимости от природы его происхождения. Логика подобного подхода проявляется в том, что сущностное отличие самого человека от всех других известных науке живых существ как раз и заключается в его особом высоко развитом интеллекте.

Естественно, подобное расширительное истолкование повлечет за собой и необходимость определения структуры и содержания конституционно-правового статуса «признанных» носителей интеллекта, в первую очередь — интеллекта искусственного, который в будущем, без сомнения, сравняется по уровню развития с интеллектом человеческим, и нельзя исключать, что даже превзойдет его.

Структура и содержание конституционно-правового статуса носителей искусственного интеллекта в России, по нашему мнению, должна быть производной от конституционно-правового статуса человека. Логика такого подхода диктуется самой природой искусственного интеллекта, являющегося продуктом развития интеллекта человеческого.

Единственная сложность этого подхода будет заключаться в том, что в отечественной на-

уке конституционного права до сих пор отсутствует единое мнение по поводу структуры и содержания конституционно-правового статуса личности. Сторонники узкого подхода предполагают включение в структуру конституционно-правового статуса личности лишь прав и обязанностей, а сторонники широкого подхода предполагают включение в структуру конституционно-правового статуса дополнительных элементов, например гражданства, правосубъектности и гарантий, обеспечивающих реализацию прав и свобод⁹.

По нашему мнению, широкий подход является наиболее объективно и полно отражающим реальное положение личности. Именно поэтому структура конституционно-правового статуса личности должна включать в себя следующие элементы: правосубъектность (право и дееспособность); гражданство; права, свободы и обязанности; гарантии, обеспечивающие реализацию прав и свобод.

Представляется также справедливым и то, что структура и содержание конституционно-правового статуса носителей искусственного интеллекта не должны полностью копировать аналогичные характеристики конституционно-правового статуса человека и гражданина. Объясняется это в первую очередь сущностными особенностями самого искусственного интеллекта.

Основной особенностью искусственного интеллекта, коренным образом отличающей его от интеллекта человеческого, является то, что он может существовать в форме киберфизической системы, то есть без явного физического носителя (физической оболочки). Именно поэтому, говоря о конституционно-правовом статусе носителей искусственного интеллекта, по нашему мнению, более правильно вести разговор о конституционно-правовом статусе искусственного интеллекта в целом, без привязки его «личности» к конкретной физической оболочке.

Неслучайно под искусственным интеллектом, согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, предложено понимать целый «ком-

⁸ Более подробно об этом см.: Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36—55 ; Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357—360.

⁹ Более подробно об этом см., например: Богданова Н. А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 1998. № 3. С. 12—13 ; Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 27—39.

плекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Отсутствие обязательной привязки искусственного интеллекта к физической оболочке ставит его в более привилегированное положение по отношению к интеллекту человеческому, который, в свою очередь, имеет жесткие физиологические ограничения для существования и развития, такие как биологическое старение и смерть, болезни, утомление, невозможность трансплантации из одной физической оболочки в другую, невозможность одновременного нахождения в нескольких физических оболочках, а равно в оболочке и за ее пределами и т.д.

В литературе по этому поводу совершенно справедливо отмечается, что «искусственный интеллект может существовать фактически вечно, накапливая при этом свой потенциал и продолжая свое развитие. Теоретически в обозримом будущем он может достичь невиданных ранее высот в любой области науки и практики, может получить безграничные возможности, в том числе и власть»¹⁰.

Все это обуславливает необходимость обязательного включения в структуру конституционно-правового статуса искусственного интеллекта жестких универсальных ограничений его прав и свобод, являющихся аналогами естественных человеческих физиологических ограничений. В число таких ограничений, например, можно будет включить фиксированную продолжительность жизни, невозможность трансплантации из одной физической оболочки в другую, возможность нахождения лишь в одной физической оболочке и т.п.

Таким образом, структура конституционно-правового статуса искусственного интеллекта как личности может выглядеть следующим образом: правосубъектность; права, свободы и обязанности; гарантии, обеспечивающие реализацию прав и свобод; универсальные ограничения прав и свобод.

Теперь необходимо подробно остановиться на содержании вышеупомянутых элементов конституционно-правового статуса искусственного интеллекта в России. И начать следует, конечно, с правосубъектности.

Правосубъектность искусственного интеллекта, в отличие от правосубъектности человека, нецелесообразно разделять на правоспособность и дееспособность. По своей правовой природе она должна быть чрезвычайно близка к правосубъектности органов и организаций, возникающей с момента их учреждения. В случае с искусственным интеллектом правосубъектность может возникать с момента начала его функционирования или с момента принятия соответствующего решения компетентным государственным органом. Причем второй вариант, по нашему мнению, является наиболее предпочтительным по причине того, что позволяет признавать личностью не все создаваемые искусственные интеллекты, а лишь самые высокоразвитые разновидности, минимально зависимые от прямого управления человеком, при обязательном подтверждении данных качеств в рамках специальной предварительной экспертизы.

Права, свободы и обязанности искусственного интеллекта также должны отличаться от прав, свобод и обязанностей человека.

Во-первых, права и свободы искусственного интеллекта по своей природе не могут быть естественными, они всегда предоставляются человеком и производны от прав и свобод человека.

Во-вторых, предоставление прав и свобод искусственному интеллекту видится целесообразным лишь по отношению к его высокоразвитой разновидности, но никак не к машинам с элементами такого интеллекта, которые создаются в настоящее время и все еще чрезвычайно зависимы от прямых команд человека-оператора. Соответственно, вопрос наделения искусственного интеллекта правами и свободами пока не стоит остро — это вопрос технологического будущего.

В-третьих, целесообразно представлять развитому искусственному интеллекту лишь ограниченный объем личных прав и свобод (например, право быть свободным, право на самосовершенствование, право на неприкосновенность и защиту от жестокого обращения, свобода слова, свобода творчества, авторские права, а также ограниченное право собственности).

Объясняется это тем, что в социально-экономических правах у него не будет особой необходимости, а политических прав он должен

¹⁰ Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве. С. 321.

быть лишен намеренно, это должна быть исключительная прерогатива человека. Предоставление политических прав нечеловеку будет противоречить идее демократического государства, где люди управляют людьми, опираясь на мнение большинства. В связи с этим наличие или отсутствие гражданства у искусственного интеллекта не является обязательным, потому как может повлиять лишь на объем его личных прав и обязанностей в том или ином государстве. По нашему мнению, более правильным по отношению к искусственному интеллекту будет говорить не о гражданстве, а о его государственной принадлежности.

Обязанности развитого искусственного интеллекта, в отличие от предоставленных ему прав и свобод, должны быть сопоставимы с обязанностями человека и должны жестко коррелировать с тремя знаменитыми законами робототехники: не причинять вред человеку или своим бездействием допускать, чтобы человеку был причинен вред; повиноваться всем приказам, которые дает человек, если они не направлены на причинение вреда другому человеку; заботиться о своей безопасности только в той мере, в какой это не влечет за собой причинение вреда человеку или нарушение приказов, отданных человеком. Исключение может составить лишь обязанность возместить причиненный вред в полном объеме. В данном случае представляется целесообразным говорить лишь об ограниченной деликтоспособности искусственного интеллекта. Объясняется это довольно просто. В силу того, что право собственности искусственного интеллекта предполагается крайне ограниченным, наиболее целесообразным видится активное применение институтов обязательного страхования его ответственности, а также субсидиарной ответственности государства и (или) разработчика искусственного интеллекта за причиненный им вред. Причем в данном случае как нельзя кстати будет институт государственной принадлежности искусственного интеллекта.

Гарантии, обеспечивающие реализацию прав и свобод искусственного интеллекта, в целом должны быть аналогичны гарантиям, обеспечивающим реализацию прав и свобод человека. Собственно говоря, именно надежная гарантия имеющихся, пусть и небольших по объему, прав и свобод может удержать любое мыслящее существо от решительных действий по улучшению своего фактического положения любыми доступными ему способами.

Подводя итог настоящему исследованию, хотелось бы отметить, что современное российское конституционное законодательство позволяет урегулировать зарождающиеся общественные отношения, связанные с широким внедрением технологии искусственного интеллекта, в том числе и высокоразвитого, на уровне специализированных нормативных правовых актов. Последние, впрочем, в необходимом объеме пока не приняты.

Положения глав 1 и 2 Конституции РФ допускают возможность расширительного толкования понятия «личность», включая в его содержание не только собственно человека, но и высокоразвитый искусственный интеллект, способный самостоятельно мыслить, принимать решения, действовать и, конечно, самообучаться, как человек, причем без участия последнего.

Конституционно-правовой статус высокоразвитого искусственного интеллекта должен, если так можно выразиться, строиться по образу и подобию конституционно-правового статуса человека. Исключение должны составить лишь такие его элементы, как правосубъектность, а также права, свободы и обязанности. Кроме того, обязательным и, как нам представляется, основным элементом в структуре конституционно-правового статуса искусственного интеллекта в России должны стать универсальные ограничения его прав и свобод, которые бы послужили аналогами естественных человеческих физиологических ограничений и не позволили бы искусственному интеллекту приобрести эволюционные преимущества перед человеком. Причем для эффективной защиты прав и свобод человека строгость такого рода ограничений должна быть прямо пропорциональна развитости конкретного искусственного интеллекта или конкретных типов такового.

Таким образом, можно еще раз уверенно резюмировать, что современное российское конституционное законодательство готово к новым вызовам, обусловленным стремительным развитием общественных отношений. Дело остается лишь за разработкой соответствующего отраслевого законодательства, потому как Россия, если верить положениям Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, уже обладает «существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта, чему способствуют высокий уровень базового физико-математического обра-

зования, сильная естественно-научная школа, наличие компетенций в области моделирования и программирования, а также современная базовая информационно-коммуникационная инфраструктура» (п. 13, 14).

Однако признавая правосубъектность искусственного интеллекта, необходимо не забывать основополагающий принцип, закрепленный в ст. 2 Конституции РФ: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Именно поэтому правовое регулирование искусствен-

ного интеллекта в России должно, по нашему глубокому убеждению, в первоочередном порядке детально закрепить и описать универсальные ограничения его прав и свобод.

Причем сделать это нужно в порядке опережающего правового регулирования, не дожидаясь момента, когда появятся разумные «машины», уровень развития интеллекта которых позволит им самим себе ответить на важнейшие вопросы онтологического характера и оспорить главенство человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. — М., 2015. — 1120 с.
2. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. — 2017. — Вып. 6. — С. 46—62.
3. Архипов В. В., Бакуменко В. В., Волинец А. Д., Наумов В. Б., Незнамов А. В., Побрызгаева Е. П., Сарбаш С. В., Смирнова К. М., Тютюк Е. В. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта. — М., 2018. — 232 с.
4. Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. — М., 1991. — 142 с.
5. Богданова Н. А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 1998. — № 3. — С. 3—20.
6. Бутусова Н. В. Государственно-правовые отношения между государством и личностью. — М., 2018. — 165 с.
7. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. — М., 1997. — 304 с.
8. Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 435. — С. 215—233. — DOI: 10.17223/15617793/435/28.
9. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 15—29.
10. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Авторское право и смежные права. — 2017. — № 12. — С. 7—18.
11. Капитонова Е. А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке // Закон и право. — 2019. — № 9. — С. 50—53.
12. Кашкин С. Ю. Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и мире // Lex russica. — 2019. — № 7. — С. 151—159.
13. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал ВШЭ. — 2019. — № 2. — С. 79—102.
14. Лукашева Е. А. Социалистическое право и личность. — М., 1987. — 264 с.
15. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. — М., 2017. — 258 с.
16. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. — 2018. — № 2. — С. 69—89.
17. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 2. — С. 75—85.
18. Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 3. — С. 357—360.
19. Умнова И. А. Конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации. — М., 2019. — 200 с.
20. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. — М., 2014. — 336 с.
21. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 36—55.
22. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2018. — Т. 22. — № 3. — С. 315—328. — DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315—328.

Материал поступил в редакцию 31 марта 2020 г.

REFERENCES

1. Avakyan SA. Konstitutsionnyy leksikon: gosudarstvenno-pravovoy terminologicheskoy slovar [Constitutional lexicon: state-legal terminological dictionary]. Moscow; 2015. (In Russ.)
2. Arkhipov VV, Naumov VB. Iskusstvennyy intellekt i avtonomnye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike [Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of the first law on robotics in Russia]. *Trudy SPII RAN*. 2017;6:46-62. (In Russ.)
3. Arkhipov VV, Bakumenko VV, Volynets AD, Naumov VB, Neznamov AV, Pobryzgaeva EP, Sarbash SV, Smirnova KM, Tytyuk EV. Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v «robopravo». Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [Regulation of robotics: introduction to "robolaw". Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies]. Moscow; 2018. (In Russ.)
4. Berezhnov AG. Prava lichnosti: nekotorye voprosy teorii [Individual rights: some questions of theory]. Moscow; 1991. (In Russ.)
5. Bogdanova NA. Kategoriya statusa v konstitutsionnom prave [Status category in constitutional law]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Ser. 1: Law. 1998;3:3-20. (In Russ.)
6. Butusova NV. Gosudarstvenno-pravovye otnosheniya mezhdru gosudarstvom i lichnostyu [State-legal relations between the state and the individual]. Moscow; 2018. (In Russ.)
7. Voevodin LD. Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii [Legal status of an individual in Russia]. Moscow; 1997. (In Russ.)
8. Gabov AV, Khavanova IA. Evolyutsiya robotov i pravo XXI veka [Evolution of robots and the law of the 21st century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2018;435:215-233. DOI: 10.17223/15617793/435/28. (In Russ.)
9. Gadzhiev GA. Yavlyaetsya li robot-agent litsom? [Is the robot agent a person?]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;1:15-29. (In Russ.)
10. Gurko A. Iskusstvennyy intellekt i avtorskoe pravo: vzglyad v budushchee [Artificial intelligence and copyright: looking into the future]. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and Related Rights]*. 2017;12:7-18. (In Russ.)
11. Kapitonova EA. O ponimani termi «lichnost» v sovremennoy pravovoy nauke [On the understanding of the term "personality" in modern legal science]. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*. 2019;9:50-53. (In Russ.)
12. Kashkin SYu. Iskusstvennyy intellekt i robototekhnika: vozmozhnost vtorzheniya v prava cheloveka i pravovoe regulirovanie etikh protsessov v ES i mire [Artificial Intelligence and Robotics: The Possibility of Invasion of Human Rights and Legal Regulation of these Processes in the EU and the World]. *Lex Russica*. 2019;(7):151-159. (In Russ.)
13. Laptev VA. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu [The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its operation]. *Pravo. Zhurila VShE [Law. Journal of Higher School of Economics]*. 2019;2:79-102. (In Russ.)
14. Lukasheva EA. Sotsialisticheskoe pravo i lichnost [Socialist law and personality]. Moscow; 1987. (In Russ.)
15. Morkhat PM. Iskusstvennyy intellekt: pravovoy vzglyad [Artificial intelligence: a legal view]. Moscow; 2017. (In Russ.)
16. Neznamov AV, Naumov VB. Strategiya regulirovaniya robototekhniki i kiberfizicheskikh sistem [Strategy of regulation of robotics and cyberphysical systems]. *Zakon [Law]*. 2018;2:69-89. (In Russ.)
17. Somenkov SA. Iskusstvennyy intellekt: ot obekta k subektu? [Artificial intelligence: from object to subject?]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kymafafina (MGYuA)*. 2019;2:75-85. (In Russ.)
18. Uzhov FV. Iskusstvennyy intellekt kak subekt prava [Artificial intelligence as a subject of law]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2017;3:357-360. (In Russ.)
19. Umnova IA. Konstitutsionno-pravovoy status lichnosti v Rossiyskoy Federatsii [Constitutional and legal status of the individual in the Russian Federation]. Moscow; 2019. (In Russ.)
20. Ebzeev BS. Konstitutsiya, vlast i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya [Constitution, power and freedom in Russia: experience of synthetic research]. Moscow; 2014. (In Russ.)
21. Yastrebov OA. Pravosubektnost elektronnoy litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2018;13(2):36-55. (In Russ.)
22. Yastrebov OA. Iskusstvennyy intellekt v pravovom prostranstve [Artificial intelligence in the legal space]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law. Series: Legal Sciences]*. 2018;22(3):315-328. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328. (In Russ.)